

Культура: 1997 - 23 окт. - с. 13

Эйфман двадцать лет спустя

ПОДАРОК К ЮБИЛЕЮ

Виолетта МАИНИЕЦЕ

Свой двадцатый сезон Санкт-Петербургский государственный театр балета Бориса Эйфмана начал гастроллями в Москве, где показал "Чайковского" (1993), "Карамазовых" (1995), а также последнюю новинку — "Красную Жизель" (1997) на музыку Чайковского, Шнитке и Бизе, посвященную Ольге Спесивцевой. Как всегда, спектакли прошли с аншлагами. Но на этот раз они состоялись не в концертном зале "Россия", а в Большом театре, который до сих пор был закрыт для этого коллектива. "Для нас огромная честь танцевать на прославленной сцене, до сих пор мне кажется, что это сон", — сказал Эйфман. Владимир Васильев не только рискнул пригласить на целую декаду Эйфмана и его труппу. На пресс-конференции, дав самую высокую оценку работе санкт-петербургских коллег, он высказал восторг, что давно витало в воздухе: "Теперь с уверенностью можно сказать, что у нас есть современный русский балетный театр — театр Бориса Эйфмана".

Действительно, театр Бориса Эйфмана — чуть ли не единственный в стране, у которого есть точные репертуарные планы, замечательная, почти по-западному работающая труппа, свое лицо, первоклассные танцовщики-актеры — такие, как Игорь Марков. "Рациональная конструкция всего спектакля, идущие от сердца эмоции, актеры — вот три кита, на которых держится мой театр", — говорит Эйфман. Его динамичные сюжетные спектакли открыты для самой широкой аудитории. Русские по тематике, мировосприятию, постановочным приемам, образной сис-

теме, музыкальному материалу, они тем не менее пользуются успехом и на Западе, и на Востоке. Конечно, кто-то любит "Чайковского", кому-то ближе "Красная Жизель". А некоторые и вовсе предпочитают более ранние работы балетмейстера. У каждого свой вкус, свои пристрастия. Но даже в 70-е годы, когда, словно безумец, Эйфман начал создавать свой театр на пустом месте с полупрофессиональными артистами "Ленконцерта", он никогда и никому не угодил. Скорее, наоборот. Чрезвычайно высоко ценил независимость и творческую свободу — единственную роскошь, которую могли тогда себе позволить не склонные к компромиссам миллионы людей. В отличие от многих он выдержал даже испытание властью, не променял свои принципы на пост или официальное признание. Не уехал навсегда из России, хотя об этом мечтали многие чиновники от искусства, которым без Эйфмана и его театра жилось бы гораздо комфортнее. Шел своим тернистым путем, с которого не сворачивал никогда, несмотря на давление со стороны властей и соблазнительные порою предложения.

За грошовое подаяние начальство ждало от него спектакли о доблестях, о подвигах, о славе, революции да великих свершениях на стройках века. А в ответ Эйфман упорно ставил про любовь, душевные терзания и роковые страсти, которыми одержимы люди. "Невозможно творить без Бога в душе, не любя, не сострадав", — еще тогда говорил балетмейстер, внимательно присматриваясь к окружающим. Так трагические перипетии взаимоотношений двух его ведущих танцовщиков тех лет — прекрасной балерины Аллы Осипенко и Джона Марковского — подтолкнули балетмейстера на создание "Двухго-

лосия", а чуть позже — "Идиота", ставших этапными в его творческом пути. Их отзывы до сих пор ощущаются и в его сегодняшних постановках — в "Чайковском" и особенно в "Красной Жизели".

Уже тогда раз и навсегда определились лейттемы творчества Бориса Эйфмана. Противостояние художника и толпы, личности и общества, борьба тьмы и света в человеческой душе — вот круг проблем, которые волновали и до сих пор волнуют этого балетмейстера. Он с уважением относится к свободе человека, ко всем формам проявления любви, отрицая лишь насилие и анархию. Порой хореограф годами вынашивал свои замыслы, лишенный малейшей надежды когда-либо воплотить их на сцене. Некоторые из них (к примеру, о "Красной Жизели" он говорил еще в 70-е годы) ему удалось осуществить лишь десятилетия спустя. Эйфман часто обращается к классической литературе и музыке. Музыкальность, даже чрезмерной хореографич-

еской щедростью отличались его ранние комические балеты на темы Шекспира и Бомарше. Таких пластических находок, какие были в его "Двенадцатой ночи", с лихвой хватило бы на подложку балетов. Лишь со временем он стал лаконичнее и строже в отборе выразительных средств, более рационален в построении драматургии, хотя редко когда бывал доволен собой. Он всегда готов прислушаться к доброжелательным и дельным советам. Меняясь сам, по прошествии времени он вносит изменения и в свои спектакли, продолжает работать над ними и после премьеры. Но сам постановочный процесс он всегда воспринимал как некое таинство, с трудом объясняя побудительные причины многих творческих импульсов. Просто осенено, снизошло, озарило.

"Хореограф для меня — такая-то таинственная фигура. Он похож на заклинателя, обладающего удивительной способностью жестами, ритмико-пластической подчинять людей", — как

Фото М.ЛОГВИНОВА

то сказал Борис Эйфман. Он прекрасно понимает, что одних гипнотизируют балланчинские классические гимны Аполлону, других — божарские неистовые донизийские мистерии. Каждый сам выбирает себе кумиров. Но умение уважать чужого бога как своего всегда было признаком интеллигентности. Эйфман отличается "веротерпимостью". Ученик русского "балланчиниста" Георгия Алексидзе, воспитанник талантливейшего "импровизатора" в области пластики Леонида Якобсона, он также тщательно изучил режиссуру, эстетику балетного театра Юрия Григоровича. Еще в 70-е годы он открыл для себя изумительный балетный рай Джорджа Балланчина. Восхищался постановками Мориса Бижара. Эйфман любознателен, всегда в курсе новостей мирового балета. Хорошо знаком с творчеством своих западных коллег Джона Кранко и Джона Ноймайера, своих сверстников Матса Эка и Иржи Килиана. Тем не менее сам Эйфман считает себя продолжателем традиций русского драматического балета.

Часто хореографический текст он сочиняет прямо на репетициях, учитывая индивидуальность артиста, его пожелания и предложения. Первый исполнитель партии часто остается единственным и лучшим. Нет в России другого балетного театра, в такой же степени способствующего актерскому самораскрытию. Но нет и коллектива, требующего от них столь изнурительной работы. Малейшее расслабление тут же сказывается на уровне спектакля. Одержимый бесом творчеством, а от других Эйфман жаждет полной самоотдачи. С ним работать трудно, но интересно. Кто не выдерживает, навсегда покидает его труппу.

Мечты? Пожелания? Конечно же, они у Бориса Эйфмана есть. Он надеется, что после двадцатилетней работы коллектив заслужил право на эксклюзивную финансовую поддержку со стороны государства. Неплохо также было бы иметь постоянную сценическую площадку. ●

Саша — Тамара
 Шелест и пр. Б. Эйфман